

Е.Е. НИКОЛАЕНКО,
Ю.А. НОВИКОВ

**СТАРЫЕ ПОГУДКИ
ДА НА НОВЫЙ ЛАД**
(ЗАМЕТКИ О ВЕРХНЕМ
ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОЕ
РУССКИХ ПОСЛОВИЦ ЛИТВЫ)

Важнейшей доминантой бытования фольклора и отдельных его жанров справедливо считают память традиции. Однако сама традиция не является чем-то застывшим, неизменным, а ее функционирование не сводится к простому воспроизведению архаичных стереотипов. С течением времени меняется жанровый и сюжетный состав фольклора; этот процесс сопровождается не только очевидными потерями (отмирание былин и «старших» исторических песен, обеднение семейной и календарной обрядовой поэзии, угасание сказочной традиции и др.), но и обновлением устного репертуара. По традиционным моделям создаются новые произведения (современные загадки и анекдоты, солдатский юмор; заговоры «от бомбы», от рака и язвы; былички туристов о Домбайской деве, о погибшем альпинисте и т.п.). Особенно гибкими и мобильными оказались частушки, анекдоты, произведения детского и школьного фольклора. На наш взгляд, немногим уступают им пословицы и поговорки, о чем наглядно свидетельствует анализ большого массива паремий, записанных от русских старожилов Литвы.

Формирование устойчивой и довольно многочисленной русской диаспоры в Литве связано с расколом в русской православной церкви и переселением старообрядцев из северо-западных губерний России; позже ее регулярно «подпитывали» новые волны эмигрантов (подробнее см.: [Живое слово 1999, 3—6]). Около трех веков находясь в иноязычном окружении, они стремились жить по заветам старины, сохранять и приумножать духовное наследие предков. Пословичный репертуар каждого сельского прихода, каждого куста деревень — своеобразная устная летопись, отражающая менталитет и традиционную культуру староверов, их далекое прошлое и недавнюю историю. Проиллюстрируем этот тезис на

материале текстов, собранных в окрестностях местечка Тверячус (Швенчёнский р-н)¹.

«*Бога нет — царя не надо*». Этот народный афоризм словно аккумулирует в себе многотрудную историю русских старообрядцев — религиозных диссидентов и вынужденных эмигрантов. Не имея возможности на родине легально исповедовать веру своих предков («*Бога нет...*»), они бежали на окраины Российской империи и за ее пределы — подальше от светских и церковных властей («*...царя не надо*»). Неприязнь к ним отразилась и в паремиях из других районов Литвы: «*Царский посол, как осёл*», «*Царю из-за тына не видать*», «*Царская власть, а заплатки негде класть*».

Удивительная жизнестойкость пословиц во многом обусловлена тем, что к ним относятся как к своду неписаных «правил поведения», вобравших в себя жизненный опыт многих поколений, представления о добре и зле, о нравственном и безнравственном. «*Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы*», «*Хлеб в пути не тяжесть*», «*Не хвали ветра, не увяв жита*», «*После поры не точат топоры*», «*Богатый съест — поморщится, бедный съест — облизнется*». Отразилось в них и традиционное для староверов негативное отношение к «зеленому змию». Бытовое пьянство осуждается и в прямой, незавуалированной форме — «*Вино полюбил — семью разорил*», и с помощью скрытой насмешки, язвительной иронии — «*Казённое вино красит шею и лицо, а грудь мягчит, карман легчит, ногам покою не даёт*». «*Вином*» в старину называли водку («*хлебное вино*», «*зелено вино*» народных песен), а «*казённым*» его именовали потому, что в царской России долгое время существовала государственная монополия на производство и торговлю спиртными напитками.

С семейными обрядами и обычаями связана популярная и в России пословица «*Дочку в колыбельку — приданое в коробейку*». Как только в крестьянской семье рождалась девочка — будущая невеста, для нее начинали собирать «*пасаг*» (приданое). Повзрослев, девушки сами приобщались к рукоделию — пряли, ткали, вязали, вышивали полотенца, скатерти, постельные принадлеж-

¹ Швенчёнские пословицы записывались на протяжении многих лет студентами Вильнюсского университета во время фольклорной практики (хранятся в архиве кафедры русской филологии).

ности. Согласно вековым традициям, во время свадьбы невеста должна была одаривать сватов, жениха и его родственников. Важно, чтобы всё было сделано своими руками: «*полотенца там, скатерти самоткальные, самодельные*». Подарки придирчиво рассматривали и обсуждали — ценилась не их реальная стоимость, а мастерство, художественный вкус и трудолюбие будущей хозяйки. «*Кокора — хлебу подпора*». Хлеб в деревне обычно пекли на много дней вперед — сколько вмещала русская печка. А из остатков теста на сковороде за десять-пятнадцать минут выпекали «*кокоры*» — круглые лепешки, булочки, которые были любимым лакомством истосковавшихся по свежему хлебу детей.

В окрестностях Тверячуса зафиксированы поговорки, сохранившие память о далеком прошлом. «*Невелик городок, да семь воевод*». «*Воеводами*» в средневековой Руси называли княжеских и царских наместников, которые в мирное время представляли в провинции исполнительную и судебную власть, а в военное — возглавляли местную дружину или ополчение. Вместе с тем в поговорках встречаются и более поздние реалии, связанные с пребыванием старообрядцев в Прибалтике, по соседству с белорусами. «*Два Юрья, и оба дурни: один холодный, другой голодный*». Праздник святого Георгия Победоносца отмечается два раза в год — весной, 23 апреля по старому стилю, когда в хозяйстве заканчиваются все припасы (оттого он и «*голодный*»), и в начале зимы, 26 ноября. В большинстве областей России Георгия Победоносца в народе называют «*Егорий*» (это имя доминирует и у старообрядцев Литвы); в Беларуси распространена другая форма его имени — «*Юрий*» («*Юрья*»). Поэтому записанный под Тверячусом текст скорее всего позаимствован у соседей-белорусов. Не исключено, что с белорусским влиянием связана и поговорка «*Не привязанный медведь не пляшет*». Примерно в 90 км к югу от Тверячуса, в имении князей Радзивиллов в XVII — XX вв. находилась знаменитая «Сморгонская медвежья академия», где дрессировали медвежат для выступлений в «*медвежьей комедии*», «*медвежьей потехе*» на карнавалах и ярмарках. «Выпускники» Сморгонской академии со своими вожатыми «гастролировали» не только на «*кирмашах*» в северо-западных губерниях Российской империи, но и в Западной Европе, вплоть до Италии и Скандинавии [Этнаграфія Беларусі 1989, 330].

Еще более показательным в этом плане фольклорное собрание Елизаветы Ивановны Колесниковой из местечка Салакас Зарасайского р-на. Недостаток образования (Колесникова окончила всего три класса литовской школы, а «*славянскую грамоту*» освоила самостоятельно) не помешало ей записать около 35 тысяч пословиц, поговорок, прибауток, фразеологизмов. Природное языковое чутье и тонкий художественный вкус позволяют собирателю-самоучке предлагать оригинальные толкования переносного смысла многих пословиц, выявлять их связь с народными обычаями и обрядами, объяснять диалектизмы и историзмы, заимствования из других языков, которыми она неплохо владеет на бытовом уровне. Часть собранных ею пословиц и комментариев к ним опубликована [Русские пословицы Литвы 1992 (более 3000 текстов); Novikovas 2000 (около 300 текстов)]. В их числе немало произведений, само содержание которых указывает на принадлежность к древнейшим пластам народной культуры, на связь с дохристианскими воззрениями. В целом ряде текстов слышны отголоски языческого политеизма, веры в духов природы: «*Незачем тому богу молиться, который не милует*», «*Какой бог вымочит, тот бог и высушит*», «*В лесу родившись, на пень богу молившись*», «*Проплакала баба болото и лес, а о бабе — ни один бес*». В поговорке «*А что, мои дети у бога телёнка съели?*», видимо, речь идет о посягательстве на жертвенных животных, которых выращивали к праздникам в честь языческих богов. Ироническая поговорка «*С такой рожей только на суд Божий*» воскрешает в памяти судебные поединки — одну из форм «*Божьего суда*», практиковавшегося на Руси в эпоху раннего средневековья. Из «*Повести временных лет*» известно, что древние славяне нередко хоронили умерших не только в долбленых гробах («*колодах*»), но и в лодках (первая месть киевской княгини Ольги древлянам и др.). Не исключено, что с этим обычаем генетически связана поговорка, записанная Е.И. Колесниковой в Зарасайском р-не. «*Один за одним, как лодки отплывают...*» («*Гости расходятся; и о покойниках так говорят, если часто умирают*», — пояснила собирательница). Нет оснований сомневаться в том, что именно со своей исторической родины старообрядцы принесли следующие речения: «*И у князя не без грязи*», «*Раздайся, грязь, плывёт князь!*», «*Море, раздайся вдвое: ай <или> князь, ай <или>*

грязь пливёт!» (ироническое приветствие входящему), «Вот и влез князь в грязь», «Быть делу так, как наметил дьяк», «Дошёл до Дону — и вновь до дому», «Написать можно воловую кожу» (имеется в виду пространное, но безрезультатное прошение; «воловая кожа» — пергамент, особым образом обработанная кожа животных, чаще всего телячья, которую использовали для письма до изобретения бумаги).

В собрании Е.И. Колесниковой, в записях из других районов не менее богат и «верхний» хронологический слой народных речений. В фольклоре старообрядцев Литвы почти нет преданий, повествующих об истории русской диаспоры; а записанные тексты изобилуют анахронизмами, освещают реальные события в мифологизированном ключе. Этот пробел в известной мере заполняют пословицы и поговорки. В них сохраняется историческая память и о восстании 1863 года в Польше, Литве и Белоруссии («Вавила, бери вилы — мятежники идут!»), и о нехватке пахотной земли — извечной проблеме староверов в Прибалтике («Глушь — не сушь; крякнул — и болото ваше!»), и о работе по найму в имениях крупных землевладельцев («Неси топор — обедать будем». — «Пан кормил работников старым хлебом», — пояснила Колесникова). Со второй половины XIX в., особенно после строительства железной дороги Петербург — Варшава, многие старообрядцы уезжали на заработки в «северную столицу». «Петербургские мотивы» прочно вошли в хороводные и плясовые песни, частушки, звучат они и в пословицах: «Бедняку Питер карман вытер» (вариант общеизвестной поговорки «Батюшка Питер карманы повытер»), «С головы козёл — полковник, с бороды козёл — священник, издали козёл — фабричный человек». А вот пословица, возникшая в межвоенную пору, когда в поисках заработка литовцы и некоторые русские старожилы Литвы ездили за океан. Женщин туда, как правило, не брали, а если они настаивали на поездке, то им насмешливо отвечали: «Зачем тебе в Америку — тягать хвост по берегу?». Слово «хвост» тоже попало в этот текст не случайно: «Раньше ведь юбки длинные носили...».

Собиратели были озадачены, обнаружив в собрании Е.И. Колесниковой тексты, в которых упоминались народы Поволжья и подмосковные города: «Такой родни по всей мордвы, а пообедать негде», «Поклон из города Ростова от барина толстого». Но

вскоре выяснилось, что они тоже связаны с историческими судьбами русской диаспоры. В годы первой мировой войны многие старообрядческие семьи эвакуировались из Литвы в Россию, в основном в поволжские губернии, и прожили там по 7—10 лет. По рассказам наших информаторов, переселение было четко организовано. Перед отъездом представители властей оценивали недвижимое имущество крестьян и неубраный урожай на полях, взвешивали домашний скот, обмеряли стога сена и компенсировали хозяевам материальные убытки. На крупных железнодорожных станциях беженцев ждали полевые кухни, их встречали сестры милосердия и активисты благотворительных организаций. Староверы имели право выбирать место жительства и, как правило, предпочитали те города и села, в которых были старообрядческие общины и храмы. Именно там были усвоены процитированные выше и многие другие пословицы: «Не чуваша родня ваша», «Мордва — на грош два, на копейку вся семейка», «Задним умом и мордвин умён», «Пиши на двери, а получать <долг> будешь в Твери»; некоторые частушки:

Я поеду в город Шую,
Я куплю гармонь большую;
Как вернусь на село,
Заиграю весело!

В годы эвакуации фольклорный репертуар русских старожилов Литвы пополнился также целой серией преданий и быличек о заклятых кладах [Русские пословицы Литвы 1992, 46], о «нечистом духе» с редким именем «Арахта кривой» [Русские пословицы Литвы 1992, № 2603], о колдовстве и могущественных русских чародеях [Живое слово 1999, № 186; КЭ 6, 78²]. Так, русский колдун предлагал отцу рассказчицы на время превратить его в собаку, чтобы он сбегал в Литву и возвратился обратно, но «тапка не согласился» [КЭ 61, 55].

Своеобразным индикатором относительной «молодости» пословиц и поговорок служит упоминание в них современных реалий или употребление поздних заимствований из западноевропейских языков. «С виду

² Фольклорная коллекция Кабинета этнологии исторического факультета Вильнюсского университета (здесь и далее — КЭ). Первая цифра обозначает номер тетради, вторая — порядковый номер текста.

кремль, а внутри — мавзоль», — иронически отозвался о своем здоровье один из наших информаторов. «*Полюбила бы и крокодила, чтоб <только бы> на двух ногах ходила*», «*И в Париже не все рыжи*», «*Принцип как в принца*», «*За Бога сутки не дают, поминайте, где хотите*», «*Болею на мигрень: кушать хочется, а работать лень*», «*Мужик на смену, жена — на сено*», «*Контрак<т> — не просто так, дорожке денег*». «*В аренду взял или своя?*» — в шутку спрашивают тех, кого увидят с незнакомой («невиданной») женщиной. «*Переселился на мило, а память ушла навек*» («*На кладбище похоронили*», — пояснила Колесникова). А вот как язвительно высмеивают городских модниц: «*Спина кончается, а декольте — нет*».

Особую группу составляют поздние переделки традиционных паремий. Содержащиеся в них художественные образы от длительного употребления порой блекнут, «стираются» как медный пятак; возникает потребность в их обновлении. Добавят местные балагуры одно-два слова, и старая как мир пословица или фразеологизм вновь зазвучит свежо и оригинально. Обычно такая «модернизация» сводится к новым вариациям на ту же тему, усиливая смысловую насыщенность текста: «*На шею сел и ножки свесил*», «*Не все дома, половина на мельнице*», «*Прошёл медные трубы и чёртовы зубы*», «*Мелко плаваешь, и задница наголяк*», «*Брюхо старого добра не помнит — каждый день есть просит*». Параллельно с общерусской пословицей «*Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*» бытует ее «конфессиональный» вариант: «*Куда чёрт с копытом, туда и рак с клешней*» или же возникает оригинальная паремия «*Коня куют, а жаба лапы подставляет*».

Популярные фразеологизмы могут служить «строительным материалом» для создания новых пословиц: «*Один родился в рубашке, а другой в лапоточках*» (ср. выражение «*Родился в рубашке*»). Нередко дополнения или изменения приводят к тому, что изречение приобретает прямо противоположный смысл: «*Он тебя выведет на широкую дорогу рукавами махать*», «*Соловушку песни не кормят*» (ср. традиционное «*Соловья песнями не кормят*»). Иногда комический эффект достигается благодаря тому, что привычное иносказание, метафорический образ сознательно трактуется в буквальном смысле: «*Хотел схватить с неба*

звёздочку, но упал в сарай». Переделки классических пословиц прочно внедряются в сознание исполнителей и порой воспринимаются ими как исконные. Когда одна из наших собеседниц употребила популярное речение «*Курица не птица, баба не человек*», соседка поправила ее: «*Коза не скотина, баба не человек*».

Впрочем многие лексические вариации, оригинальные пословицы и фразеологизмы вполне могут быть частью духовного наследия предков — просто староверы сохранили их в своей речи вплоть до конца XX столетия, а в самой России они были забыты или не зафиксированы собирателями. «*Коршун коршуну глаз не порет*» (ср. «*Ворон ворону глаз не выклюнет*»), «*Своя сермяжка не тяжка*» («*Своя ноша не тянет*»), «*Красна горница углами, а хозяева — пирогами*» («*Не красна изба углами, а красна пирогами*»), «*От тюрьмы и от торбы не заклинаясь*» («*От тюрьмы да от сумы не зарекайся*»), «*За деньги и черти пляшут*», «*Один гусь поля не вытопчет*» (ср. «*Один в поле не воин*»), «*Кривое окно и фасад портит*», «*Накнуте далеко не уедешь*», «*Как родился — ещё не мылся*», «*Голова шумит, а в кармане тихо*» («*Пьяный идёт*», — прокомментировала исполнительница), «*Сидит — и язык на пороге*», «*Из окна короткий свет*», «*Жена — не стена, можно и отодвинуть*», «*Начала ткать шёлком — не заканчивай простым*», «*Раньше солдаты ходили, как сабли, а теперь — как верёвки*» и др.

Многие тексты из собрания Е.И. Колесниковой несут на себе печать старообрядческой среды, ее религиозных, бытовых и культурных традиций. Об этом свидетельствует большой удельный вес паремий со словами «Бог», «вера», «грех», «чёрт»; частое упоминание бороды — неперемного атрибута всякого уважающего себя мужчины-старовера. «*Живи не ложью — всё будет по-Божьи*», «*Плакал, плакал — Бог одинаков; а как стал скакать — и Бог стал помогать*», «*Господь лес не сровнял, а людей — и не думал*», «*Грех в мех <мешок>, а спасенье — наверх*», «*Бог — не батька, за бороду не возьмёшь*», «*В такой бороде заблудятся ежи*», «*Насорили отцу в бороду*» «опозорили» и др. В пословицах сохраняется память поколений о древнем обычае похищения невест, который практиковался в Литве вплоть до середины XX в.: «*Живей, Варфоломей, невесту увозят!*», «*Остановись! Шуба твоя, а невеста моя!*». В пословице

«Поклон тебе с красным подручником» отразились особенности религиозной обрядности: отбивая во время молитвы земные поклоны, староверы упираются руками в яркие, украшенные разнообразными узорами самодельные коврики — «подручники»; «красными» называют самые нарядные подручники, предназначенные для моления в дни «годовых» праздников. Пристрастие к старинным книгам и рукописям привело к закреплению в бытовой речи церковнославянизмов: «Нужно за столом сидеть, как свещи топится», «Без перчаток не возмёшь», «С одного размаха семь мух убиваха».

Для Литвы не характерны компактные, тяготеющие к замкнутому образу жизни старообрядческие общины. Как правило, русские деревни соседствуют с литовскими или польскими, а еще чаще население в них смешанное — литовцы, русские, поляки, белорусы; до второй мировой войны в небольших городках, в том числе и в Салакасе, проживало немало евреев. Это создавало благоприятные условия для интенсивного взаимодействия и взаимообогащения культур, формирования особой фольклорной среды, базирующейся на свободном владении двумя или несколькими языками. Из всех жанров традиционного фольклора наиболее «открытыми» для внешних влияний оказались пословицы и поговорки, о чем свидетельствуют многочисленные заимствования. Литовские паремии чаще всего калькируются без существенных изменений их смысла («Кто коту хвост поднимет — сам», «Пошёл косить собакам сено», «Оставляешь жевавши, найдёшь ругавши» и др.). Но нередко отдельные литовские слова и выражения включаются в состав русских пословиц без перевода. Делается это для усиления эмоциональной выразительности и звукописи, упорядочения ритмико-интонационного строя всего предложения; заимствованные слова иногда становятся рифмообразующими: «Две подружки на горушке собирали воверушки <грибы лисички>», «Братка Афанас, рагана <ведьма> у нас!» (имеется в виду строптивая невестка), «Набрался, как рапуга <жаба> грязи», «Спасибо и ачу <спасибо>, ты умрёшь, а я поплачу!». Влияние литовского языка проявляется также в фонетическом оформлении некоторых слов, отклонениях от обычного порядка слов, норм русской грамматики: «Свинья пройдёт — и то "крю!" скажет»,

«Ты что, кристальный <хрустальный> — не дотронешь?», «Матери молитва <вместо "молитва матери"> со дна моря тянет», «Человек голодный злой, а собака — сытый» (в литовском языке слово «собака» — мужского рода). В пословицах обнаруживается немало еврейских и немецких (вошедших в идиш) слов: «Алас <шум, гвалт>, как в кагальной байнь» («кагал» — еврейская религиозная община), «За деньги везде шабуш» («шабуш» — праздник; предписываемый иудаизмом обязательный субботний отдых), «Чего не жишь — тут рыба фиш!» (вариант: «Под носом фиш, а ты спишь»), «Где фест <праздник>, там и я есть!».

Встречаются и такие тексты, в которых использованы слова сразу из нескольких языков или обыгрывается возможность одну и ту же мысль выразить по-разному. «Тринк бир, пока ир!» («Пей пиво, пока есть!»). Здесь первые два слова — немецкие, а последнее — литовское (усеченная форма глагола «уга», характерная для местного литовского говора). «Тут не кабак, а корчма!», «Не кием, так палкой — какая разница?» («кий» по-польски и по-белорусски — «палка»).

...В одной из тетрадей Е.И. Колесниковой записано: «Некриничный ручей быстро высыхает». Его жизнь зависит от ключей, родников — чем их больше, тем лучше. Пословичный фонд русских старообрядцев Литвы постоянно питают живые родники — и духовное наследие предков, когда-то пришедших в эти края, и золотые зерна народной мудрости литовцев, поляков, белорусов, евреев, и новые речения, отражающие день сегодняшней. Голоса минувшего сливаются с голосом настоящего.

Литература

Живое слово 1999 — Живое слово: Фольклор русских старожилов Литвы / Составитель Ю. Новиков. Вильнюс, 1999.

Русские пословицы Литвы 1992 — Русские пословицы Литвы: Из собрания Елизаветы Колесниковой / Издание подготовили Ю.А. Новиков и Т.С. Шадрин. Вильнюс, 1992.

Этнаграфія Беларусі 1989 — Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мінск, 1989.

Novikovas 2000 — Novikovas Jurijus. Lietuvos rusų paremijos (Nauji J. Kolesnikovos užrašymai) // Tautosakos darbai. XIII (XX). Vilnius, 2000. P. 230 — 241.